

ПОД КРАСНОБРОДСКИМ НЕБОСКЛОНОМ

*Сборник стихов
и прозы*

КРАСНОБРОДСКИЙ

ПОД КРАСНОБРОДСКИМ
НЕБОСКЛОНОМ

*Сборник стихов и прозы
творческого объединения
"Северное сияние"*

ВАСИЛИЙ КИСЕЛЕВ

КИСЕЛЕВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ родился 30

сентября 1960 года в пос. Краснобродский Кемеровской области.

Работал на стройках народного хозяйства, в настоящее время трудится в должности заместителя директора ООО «Строитель», живет в поселке Краснобродский.

Является руководителем лито «Северное сияние», в котором объединилось более 10 поэтов поселка.

Член Союза кузбасских писателей и секретарь Краснобродского городского отделения Союза кузбасских писателей.

Печатается в журнале «Огни Кузбасса», в альманахах лито «Северное сияние», в других изданиях.

Неоднократный победитель поэтических конкурсов и обладатель наград за поэтическое мастерство.

ИЗ ЦИКЛА «Рожденные в СССР» Кавалер «Полярной звезды»

Глава 1. Песни. Река. Пламя.

... Я познакомился с ним на Всекузбасском фестивале бардовской песни «Зори над Томью». Ежегодно, летом, на берегу Томи, близ деревни Журавли, проводится этот фестиваль, куда со всей Сибири съезжаются поющие поэты, выступают, знакомятся, общаются. «Наша Кузбасская Грушинка» - улыбается Татьяна Болотова, организатор этого мероприятия. «Где-то далеко-далеко, за уральскими горами течет величавая Волга, на берегу которой каждый год, проводится Грушинский фестиваль бардовских песен. Велика Россия! Текут на север, на юг и на восток к океану братья и сестрички Волги – Иртыш, Обь, Томь, Ангара, Амур, Зея... И почти на каждой из них проводится свой фестиваль авторских песен» - поясняет Татьяна... Вечер, костер, звон серебряных гитарных струн, огромная луна напомнили мне мою далекую юность. «Искры камина горят как рубины, переливаясь огнем голубым. Из молодого, цветущего, юного - стал я угрюмым, больным и седым...» - ля-минорно пел парень в черной кожаной

куртке из Мариинска. Так уж устроен человек, что везде, где б он не был, ищет своих земляков, и когда объявили: «Поэт Геннадий Лузянин, поселок Красный Брод» - я востепенулся: « Бог ты мой! Земляк! Интересно! Надо бы встретиться, поговорить...» Я тогда сотрудничал внештатно с одной газетой, где вел рубрику «Герои среди нас», и в каждом своем собеседнике видел потенциального главного персонажа своих будущих статей. Геннадий Лузянин исполнял песни на стихи своей жены Ирины Воробьевой, и они всем очень понравились. Мы познакомились. «Пенсионер Гена» - представился он и протянул руку. Этого статного, молодежового мужчину трудно было назвать пенсионером, если пенсионеров ассоциировать с сидением на лавочке, домино, скепсисом, нытьем, сплетнями, вечными жалобами и огульным охаиванием всего и всех... Нет! Гена (позволю так его назвать, ибо у нас не большая разница в возрасте) был другой: веселый, талантливый, интересный собеседник. Завязался разговор, зазвучали серебряные струны его гитары, плыли песни над ночной Томью. Изредка плескалась какая-то огромная рыбина. Щука, наверное...

Неподалеку, возле своего костерка расположились кружком парни и девушки. Одна из них, с бе-

локурыми выючимися локонами до плеч, в синем спортивном костюме пела красивым грудным голосом: «Весна, апрель!.. В тайгу умчались двое и на снегу не видно их следа. А над моею над самой головою, горит огромная Полярная звезда. И блеск Полярной меня зовет и манит, Поэму Встреч читаю я с листа... «Любимая!.. Возьми ее на память! Пусть для тебя горит Полярная звезда!». Отблеск протуберанцев пламени плясал на щеках, волосах девушки, на деке ее гитары... «Боже правый! – промолвит Геннадий - «Как же она похожа на мою Алену!... Алена...Алена... Где ж ты теперь? - задумчиво добавил он, вспоминая свою первую любовь... Я бросал дрова в костер, они с треском разгорались, салютуя искрами лету, реке, звездам, ушедшей юности... О волшебная пора нашей юности! Где, в каких краях отзвенели твои синие колокольчики?.. В каких мутных водах черных дней утонул твой златоглавый Китеж?.. Нет мне ответа... И только быстрая Томь несет свои воды туда на Север, чтобы обнявшись с Обью течь к океану... Было уже далеко за полночь, кто-то ушел спать в свои палатки, мы пили крепкий чай, читали свои стихи, и я попросил Геннадия рассказать немного о себе...

Глава 2.

Монгольская одиссея Геннадия Лузянина

... «Родился я 27 сентября 1953 года, закончил в 1970 году десятилетку и сразу пошел работать в мехцех. Ну, думаю, поработаю тут до армии. Ушел в армию в 1971 году, служил в поселке Пограничный Приморского края, укрепрайон там, пограничные войска и 28 мая каждый год я отмечаю День пограничника. Ну, хоть я и по связи, но, тем не менее, пограничник. Два года пролетели как один день. После демобилизации я вернулся в родной Красный Брод и опять устроился на работу в свой мехцех, меня там ждали... Однажды я увидел бурстанок, который нам привезли на ремонт, и спросил мастера: «Что это за техника?»... Заинтересовался... «Буровой станок 2СБШ-200», ответил мне Иваныч, и я решил пойти на курсы. После окончания этих курсов я стал работать на бурстанке... На дворе стоял 1975 год... В то время было модно работать в одно лицо, до тех пор, пока на Новосергеевском разрезе не придавило машиниста. Он пошел шарошку менять, зажал штангу плохо, и она упала на его руки, он стал замерзать, кричать пока кто-то его там не нашел... Его услышал белазист, проезжавший мимо, освободил и с той поры стали работать в два лица: помощник и машинист...

...Так я и работал до 1982 года, и тут мне предлагают поехать в командировку во Вьетнам. Что-то я начал раздумывать, ехать - не ехать?... Во второй раз предложили, опять во Вьетнам, не поехал... Поехал Чернов Иван Федорович. А в третий раз предлагают: «В Монголию поедешь?...». Ну я и согласился... Уехал в Монголию в 1982 году, оформил документы через «Зарубежуголь»... Там тогда открывался молодой Баганурский угольный разрез и нужны были специалисты по обучению местного персонала...

Баганур – это небольшой город с 3 тыс. жителей. Бурые угли, там вертикального залегания... Идут вот - ЭШ15/90, ЭШ20/90, «шагари» вскрывают пласт угля, добычные экскаваторы, здоровенные монстры. И следом идет уступом другой экскаватор и эту яму засыпает, будто и не было ничего... Отличная рекультивация! Нет там этих страшных ям «лунного пейзажа». Потом бульдозера – раз!... раз!... – зачистили и хоть боком катись на легковушке! Уголь, конечно, уступает по качеству нашему, бурый – одно слово, я его в Кузбассе никогда его не видел и здесь встретился с ним впервые.

...«Что там, в Монголии, понравилось?» ... «Рыбалка! Отменная!... Ах, каких я там тайменей выгаскивал! Красавцы! Японский бог!... Я ведь на Родине

ничего кроме окушков и карасей не видывал, а там такая рыба: и ленок, и хариус, и таймень! Просто обалденно!... Хотя там мы и на разрезе были, но совсем недалеко обитала непуганая рыба. В 4 км от города протекала река Керулен, по ней мы иногда уезжали дальше, на моторке, километров за 50... Такое ощущение: приедешь, и кажется, что здесь не ступала нога человека, до чего все чисто, нет мусора, следов... Никаких следов! Прямо Робинзонами себя чувствовали! Однако, конечно же был тут человек, конечно был, так не бывает... Где-то, здесь, неподалеку, как гласит легенда была могила Великого Монгола – Чингисхана, но не смотря на многочисленные поиски ее никто не нашел... Не дается ханское золото в алчные руки кладоискателей. Не всё котуку Масленица»...

Выпрыгнет к небу, будто синий марлин папы Хэма, здоровенный тайменище, резко натянется – словно струна! – леска. Начнется борьба Человека и Рыбы, не на жизнь, а на смерть! Если Человек победит в этой борьбе, то это будет также величественно как падение Трои. Но Рыба - не мальчик для битья, она еще покажет себя!... Ломается катушка спиннинга, Геннадий наматывает на ладонь леску, она режет кожу, врезается все глубже и глубже в плоть,

будто раскаленный нож сквозь масло, капает, капает его русская кровь в монгольскую реку, теперь они побратимы, братья по крови, русский парень Геннадий и монгольская река Керулен, поившая своими водами конницу Чингисхана, помнящую много чего на своем долгом веку... Бьется, бьется таймень – Красава! – но круги его все ближе и ближе к берегу. Геннадий шепчет: «Врешь, не уйдешь!..», и уставший Человек вытаскивает уставшую обессиленную Рыбу на пологий берег... Бежит, бежит, бежит река, падает за сопку пурпурное солнце. Вечереет... Геннадий закуривает папиросу, глядит на Рыбу. Теперь можно и передохнуть. В этом поединке он – Победитель!..

Ну, вот стал обучать я монгол, сначала работе на бурстанках. Правда бурстанки там – СБР-160, шнековые, 8 м шнеки, у нас таких нет, учил как нужно его эксплуатировать, сам немного подучивался, работа не стояла на месте... Если что у моих учеников не получалось, они у меня уточняют, вторая группа – у первой учится. Я по бурстанкам из Союза один был инструктор там. Также по одному человеку было по экскаваторам и по БелАЗам инструктора.

Кружит, кружит холодный ветер, вздымая снежную пыль... Вращаются, вращаются шнеки, и ост-

рые, как ханские стрелы, коронки вгрызаются в мезозой и в более поздние эпохи, потревожив вечный сон соратников Чингисхана. Недовольно бормочут они в своих курганах, посылая проклятья прогрессу и тем, кто их разбудил... Геннадий, словно Прокоп из чапековского «Кракатита», колдует над аммоном, засыпая его в набуренные скважины, помогают ему монголы. КОНТАКТ! ЕСТЬ КОНТАКТ! ВЗРЫВ!!! Сотрясаются основы мирозданий, хмурит брови вечно улыбающийся Будда, летят к черному небу полуистлевшие щиты, мечи, наконечники копий сподвижников Великого Монгола, летят к звездам бивни мамонтов, зубы драконов, останки кочевников и черепа их лошадей... Не все перетерли в пыль безжалостные Жернова Времени, не все утонуло в зыбких песках прошедших Эпох... «Взорвано! Уложено! Сколото! - бурое монгольское золото» - бормочет, перефразируя Высоцкого, Геннадий... На того, кто сегодня движет горами, на русского парня Геннадия, монголы смотрят с благоговением. Сейчас, здесь, в карьере - он подобен Богу...

... Контракт у меня подходил к концу, и больше не было возможности его продления по этой специальности, и нужно было возвращаться в Союз. Но я то работал еще и в мехцехе, довольно долго, знал

эту кухню, имелись не плохие навыки, а там как раз сдавался в эксплуатацию огромный мехцех, прям как небольшой завод... А еще специфика работы бурстанков там такая: пород крепких, скальных как здесь у них там нет, в основном мы бурили зимой по мерзлоте... А летом там бурильщикам делать нечего, «шагарь» и так все возьмет... Сам разрез – 6 млн. проектной мощности бурых углей... И вот там сдаётся механический цех, станки надо запускать, осваивать, почти все они – гидравлические, а мне все это оборудование давно знакомо... Пресс там был – 630 тонн усилия, огромный пресс! Поршень – метр с гаком в диаметре! Они, монголы, не фурычили ничего в гидравлике, а там всё – гидравлика! Но я разобрался с этим прессом, отрегулировал его. Он стал работать. И пошел я как инструктор по механическому оборудованию. Монгольский механик там был – мой ученик. Были наладчики, были слесаря...

...Кружится, вертится шар голубой – Земля, день - сменяет ночь, летит, летит по эллипсу вокруг Солнца, повинуюсь законам Создателя, весну - сменяет лето, осень – зима... Как быстро минул год! Вращается шпиндель бурстанка, вращаются шнеки, вращаются коронки, растёт количество скважин. Позади остается дырчатая земля, будто пошехонский

сыр. Геннадий смотрит на восток. Там, в столице его уголь ждет прожорливый Молох - Улан-Баторская ТЭЦ, которая требует 10 тыс. угля в сутки. Ревут сирены, грохочут взрывы, освобождая пласт угля от пустых пород. К 15 декабря будет выполнен годовой план. Вращаются генераторы электростанции, ток течет по проводам в самые дальние монгольские поселения... Скоро Новый Год... Где-то там, за сопками, есть страна Сибирь, там седые вьюги занесли мамино крыльцо, там лохматый Шарик ходит по цепи, там глядит с портрета девичье лицо... Геннадий закуривает, отхлебывая глоток крепкого чая. Над сопками встает алое солнце. Помощник-монгол старательно укрывает мешками набуренные скважины... Как быстро минул год!..

...Были там кое-какие невспашечки, например: полетела огромная шестерня на дробилке. Привезли запчасть... надо на одну шестерню одеть другую, они и так и сяк, но не получалось... «Не ту деталь привезли...» - говорит монгол. «Но там же, по документам, по чертежам заказали, по кинематике». Собрались все и говорят: «Не та деталь!...». Но так получилось, что я, - раз! - и одел эту шестерню во внутрь другой!... Ну а те там уже рапортуют, рапорт пошел: - «Японский городской! - Не та деталь!...» А

это же опять транспортные расходы – вести новую, возвращать старую. Я звоню, чтобы они отложили все эту депешу на «верха», даю отбой всей этой лабуде. Они были уверены: «Да не может быть!..» Зубья там, модуль такой то, профиль зуба вроде как другой, не должен одеться!..» И наш главный механик согласился с этим. А я – раз!... - и одел! Были и другие там не штатные ситуации. Допустим лебедку, которая вагоны толкает, тепловоз раздавил... Мне монгольский главный механик говорит: «Ну что сделаете?». «Ну, сделаем. Почему нет?... Посмотрим объем работы каков...» «А за сколько?» «Ну, дня за 4-5» «А побыстрее?» «Ну, не знаю, если ночами работать будем...» и – сделали, ничего страшного.... Лебедка стала работать.

Какие казусы были в обучении монголов? Есть там хорошие парни смекалистые, понятливые, а были и не и очень... Токаришки в основном там девчонки, лилипуточки такие: «Геня!... Геня!...» Они никак не могли выговорить «Гена». Ну и вот... Молодцы, в общем-то... Но иногда попадались и «дубовые». Однажды, деталь дробилки, нужно было просверлить диаметром в 60 мм. Положили эту деталь на радиальный сверлильный станок, настроили подачу, настроил я обороты. Как известно аксиома:

чем больше сверло, тем меньше обороты, и наоборот. Настроил я все, сделал пару отверстий, подзываю ученика и говорю: « Делай как я! В том же духе!» «Понял!». Я ушел по другим делам в другой конец цеха, через несколько минут возвращаюсь назад. Смотрю он хватает эту стружку выходящую из-под сверла и хлоп обламывает! Я увидел, испугался, подбегаю: «Ты что делаешь? Нельзя так!» Он смотрит на меня ... Я говорю «Тебе руку вот так разрежет!» - показываю. «Стружка – говорю - как острый нож! Кинжал! Ятаган! Ты понял?» «Понял...» Опять иду минут через 20 и думаю: «Как он там?» И вижу: опять ломает стружку рукой, паразит. Будто этим хочет помочь сверлу... Да что ты будешь делать! Я говорю: «Я сейчас пойду к начальнику цеха Чемидоржу, (Чемидорж был начальником цеха, хороший мужик!) и скажу ему про тебя, что ты не слушаешься! Нельзя рукой под рабочее сверло лезть!» Он: «Ничего Геня! У меня – верхонка!» Я говорю: «Станок твою верхонку в лоскуты порвет. Не делай этого больше!» «Ладно» В третий раз иду, и у меня на глазах - как резанет ему! И он схватился за руку, кровь хлещет. Я подбежал - хлоп ему подзатыльник! и говорю: «Беги в медпункт, я тебе говорил, что нельзя так делать!»

...Бегут, бегут первые весенние ручьи, скоро Байкал сбросит лед. Окончатся эти бесконечные выматывающие душу песчаные бури, вот-вот зацветет вишня, и охватит Геннадия темная тоска.... Домой хочется!... Как там мама, отец?.. Как Ирина?.. Как сыночек Женя?... Стал я думать о них много по ночам, не высыпаться... А какой с невыспавшегося работник? Нет, думаю, так дело не пойдет! Дай, думаю, песни писать начну, я ведь музыкальную школу по классу гитары окончил, все какое-то отвлечение... Уезжая из Союза, с собой целый чемодан книг взял! Есенин, поэтов Серебряного века, Гумилева, фронтовиков наших- Левитанского, Слуцкого, Поженяна, а также – Рождественского, Вознесенского, Евтушенко. Я ведь с детства поэзию люблю. «Сережка ольховая» - Боже правый! Какая же прекраснейшая песня!.. Сижу, мелодию подбираю к чужим стихам, понравилось это дело, втянулся... А то - хоть криком кричи, как домой охота!.. Оттуда, из Монголии, растут ноги моих сегодняшних песен...

...Улепетывали, словно молодые сайгаки от пуль охотников, годы... Все задачи, которые ставило наше руководство мы выполняли... Работали на совесть... И вот меня летом 1987 года представили к награде – ордену «Полярной Звезды». Собралось нас

в Улан-Баторе человек 600, праздник большой был. Зал огромный. И вдруг ведущий объявляет: «Орденном «Полярной звезды» награждается Геннадий Леонидович Лузянин!» У меня аж мурашки по спине побежали... Двоих нас наградили этим орденом, остальных медалями. Приятно очень было. Так Монголия благодарила нас, русских, за самоотверженный труд.

...Когда вернулся в Союз, пошел работать в свой родной бурцех. Работали хорошо, не хуже других. Получил новый бурстанок 5СБШ-200 и давай мы со своей бригадой, рекорды ставить: рекорд сменной производительности – 390 погонных метров за смену! И рекорд суточной производительности – 790 погонных метров за сутки! Наша бригада гремела! ...Я стал полным кавалером «Шахтерской славы»... Вот и все, собственно говоря... Время текло, менялись лидеры. Славы мне хватило года на четыре, а потом другой парень побил все наши рекорды... В 2005 году я вышел на пенсию. Так и закончился мой трудовой стаж – без малого 35 лет! А вообще-то, совокупный трудовой стаж династии Лузяниных, включая дядьев и племянников – 350 лет! Это в 5 раз больше возраста поселка... Вышел на пенсию... Но без дела сидеть не люблю: я стал пи-

сать песни и участвовать во всех культурных мероприятиях, проводимых на Кузнецкой земле, вместе со своей женой, поэтессой Ириной Воробьевой...» - закончил свой рассказ Геннадий. «Гляди-ка, рассвет над Томью уже занялся, давай Васек, хоть часок покемарим»...

Глава 3. Ночная дорога домой

...Закончился песенный фестиваль, вечеровы зори опускались над Томью. Участники и гости собирались домой, укладывали палатки, чехлили гитары... По решению жюри Лузянин Геннадий и Ирина Воробьева стали лауреатами фестиваля и были награждены Почетными Грамотами и подарками... Мы, собираясь домой, прогревали моторы своих железных коней. Над деревней вставала огромная луна, словно большущий новогодний апельсин из детства, проклюнулись первые звезды... Прогуливаясь по летнему небосклону Большая и Малая Медведицы лакали Млечный путь, гордо сияла Полярная звезда... Откуда-то сверху из поднебесья, вдруг нежданно-негаданно зазвучала музыка строк: «Над земляничными полянами, где повесть дней июль верстал – взойдет звезда моя Полярная, моя прощальная звез-

да... И поезда кричат, как пьяные, вздымая пыль чужих дорог... Гори, сияй, моя Полярная – с тобою я не одинок... Меня ты помнишь «хлопцем гарным» далеких лет... забытых чисел... В моих скитаньях, ты, Полярная – была частичкою Отчизны. Полыни запах терпко-пряный напомнит о годах далеких... Гори в ночи, моя Полярная, стучи в окошко к синеокой... И в лунном свете окаянном – мелькнет ... поманит чей-то стан... Над земляничными полянами взойдет Судьбы моей Звезда...». Мне подумалось, что на таких людях, как Геннадий Лузянин, держалась и держится село и город, мегаполис и полустанок, деревня и столица, да и вся наша Россия...

Бригада Петра Трофимыча 1976г.

*Петру Трофимовичу Ерюшкину,
Ветерану труда, полному кавалеру ордена
«Шахтерская Слава» -
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

... Там воздух дымно-голубой,
Там снег БелАЗами укатан.
Скрипя кирзой, идет в забой
Петра Трофимыча бригада.

Они – упрямы и грубы,
Чумазы, выглядят не очень...
Навеки в очи въелась пыль,
Чернее неба южной ночи.

Их - на «арапа не возьмешь!»,
На «глотку брать» - себе дороже!..
Бульдозер, уронивши нож,
Нарежет к «8-и» дорогу.*

... Там нет беседок и аллей,
Там грохот, лязг и дождь сквозь сито,
Там снег улыбочки твоей
Пропитан сажей антрацита!..

Чернеет, будто рыба-кит,
«Ижорца» силуэт в забое...
Удача!.. Ты их не покинь!..
Возьми ребят моих с собою!

Они не знают о Сапфо,
Им не участвовать в регате...
Скрепя кирзой, идет в забой
Петра Трофимыча бригада.

Забой – как Гранд Каньон, без дна.
Над ним – звезда в мильён каратов!..
«Там, за отвалами - Весна!» -
Мне скажет кто-то из бригады...

Их речи - с «перцем», без затей,
Журчат, как Томь по перекатам...
Тень не наводит на плетень
Петра Трофимыча бригада.

Они отгрузят уголек,
Наполнив, с «шапкою», вагоны...
Дым папирос – цветущий лен!..
Перекурить не грех, легонько!

Их труд – твое «Тепло!», «Светло!»
«Друг, всё путём!» - вот их награда!..
Не знает хныкающих слов
Петра Трофимыча бригада.

Вгрызаясь смело в мезозой,
Сверкает сталь по кромке зуба...
... Скрепя морозною кирзой
Пошла зима, кажись, на убыль...

«До плана – шаг! Недалеко!
Я поздравляю вас, ребята!»
...Бьет за рекордами рекорд
Петра Трофимыча бригада!

...Они идут сквозь песни вьюг,
Их не пугает ветер сильный!
Надежность их мазутных рук –
Залог величия России!..

*«8-И» - экскаватор ЭКГ 8-И

Вечные Истины

Осень швыряет палыми листьями..
В час расставанья – горько, хоть плачь!..
Вспышки зарниц откроют мне истину:

«ВРЕМЯ НЕ ЛЕКАРЬ, МОЙ ДРУГ, А ПАЛАЧ!..»

Выкосит время любимых, единственных,
Выкосит, будто с тачанки «Максим»!..
Стылый буран подскажет мне истину:

«ВРЕМЯ ЕСТЬ - БОГ... НЕ ССОРЬСЯ ТЫ С НИМ!»

Жизнь словно Космос – темна и таинственна!..
Молод я был, но и Молох не спит...
Пух тополиный напомнит мне истину:

«СЕРДЦЕ ЗАКРОЙ ДЛЯ ПЕЧАЛЕЙ, ОБИД...»

Так повелось издревле, исстари –
Храмы Любви – все стоят на крови!
В жаркое лето уверую в истину:

«РАДУЙСЯ, ДРУГ МОЙ, ЛЮБИ И ЖИВИ...»

...Осень другая и ветер неистовый
Сна и покоя лишит насовсем...

...Если поверить нам в Вечные Истины,
Боже, как счастливы были бы все!..

Вешние воды Уската

В сумерках сладко пел Гамаюн,
В полнеба - костёр заката!..
...Мне вспоминается детство моё,
Вешние воды Уската.

Зорь вечеровых отблеск в волне,
Мы с братом удим гальянов...
Мне - скоро десять... «Взрослый вполне!» -
Скажет бабка Ульяна...

Потчуем рыб мы червяком,
Клев обалденный очень!..
Лист, словно парус, течением влеком
Вдаль плывет... Скоро осень...

Хлещет по небу: «Глянь(!) – звездопад!»
Щука в траве заплескалась...
...Там, за деревьями прячется Пан
В белом тумане Уската.

Свет заструится с Лысой горы,
Оводы жалят, гады...
Падают звезды, пугая рыб,
В омут бездонный Уската.

Месяц похож на желтый кувшин,
Слышится плач тальянки...
«Нет, брат, мы вечно здесь будем жить -
С мамой и бабой Ульяной!..»

... Годы - стрелою!.. Лег снег у виска..
Юность промчалась рьяно..
Я – постарел... Зачах мой Ускат..
Нет больше бабки Ульяны...

Нынче уже не поет Гамаюн.
Сирин исчез куда-то..
Ночью текут сквозь память мою
Вешние воды Уската.

Возвращение солдата

...Месяц июнь. Малая Родина...
Утро... Никто не встречает меня...
Чёрные родинки чёрной смородины.
Домик. Мосточек. Речка Иня...

Все как всегда, только сердце, куда же ты
Рвёшься на свет из усталой груди?..
Всё, что берёт в себе – Прошрое Наше,
Всё, что до срока держал взаперти –
Разом нахлынуло!..

Сдержишь ли слёзы?..
Повременю... Постою у воды...
И поцелую у белой берёзы
Чёрные шрамы прошедшей беды.

Мы вгрызаемся в мезозой

Хоть светил нам Луны осколок –
Пласт угля чернел обелиском...
Вроде был он совсем уже близко,
А, поди ж,... – не давался с наскока...
...Ты родился, где плещет Иня,
Отслужив, работал в таможене...
Но сегодня ты у меня –
Самый лучший на свете помощник...
И, скрипя 45-ой кирзой!
(Уголёк нужно вырвать из плена!..)
Мы вгрызались с тобой в мезозой.
Чтобы было теплее вселенной...
Накануне кончины зимы
Тучи бродят совсем низковато...
И вставал на дыбы ЭКГ- 8и –
Наш любимый с тобой экскаватор...
Снег хлестал косой полосой
(...а плавун – словно скользкий угорь!..)
И цепко держал мезозой... –
Но мы вырывали уголь!..
«Крикни по рации, Леша:
Пусть подадут вагоны»
Если его раздраконить –
Лютый он... мой помощник...

Здесь не место – лентям и ролям...
Здесь в чести – продублённость рук.
И вбивая нам в уши грохот
Рок Забоя царил вокруг!..
И – скрипя 45-ой кирзой,
Приближая цветенье апреля,
Мы вгрызались с тобой в мезозой,
Чтобы было СЕГОДНЯ теплее...

На Покрова

На Покрова – вся в инее трава,
На Покрова – все краски чёрно-белы...
На Покрова пилю-рублю дрова,
К зиме готовлюсь я... Такое дело!..

На Покрова из белых покрывал
Октябрь приготовит нам убранство...
И ветер Норд – лист дуба оборвал...
И я зиме сказал негромко: «Здравствуй!..»

На Покрова – кружится голова,
От той любви - единственной и первой...
На Покрова – найду в душе слова,
Чтоб петь о Вере... О Зиме... О Вербе...

Пусть Покрова укроют снегом всё,
Пусть до утра буран играет ставней,
Пусть сизый дым, забытых, дальних сёл,
Весть о Тебе с ветрами мне доставит...

Напутствие

Ты вспоминай...
Нет места ближе...
Эти берёзы. Тополь. Сарай...
Дом, занесённый под самую крышу.
Снежный, сибирский угольный край.

Ты вспоминай...
Душу не греет море чужое, солнечный рай...
Здесь – всё нарядней, родней и добрее
Девушки наши! Бери – выбирай...

Ты вспоминай...
И почаще пиши...
Что бы в тоске по тебе не погибли...
Чтобы не быть совершенно чужим
На краю материнской могилы...

Акварели Апреля

В пурпурный закат, словно в зеркало, смотрятся вербы.
Апрель, здесь, в Сибири, - буранный, морозный такой...
...Я вспомню село, и ту – Безответную, Первую,
И пыльных перронов – О, Юность! – зеленый огонь.

В весеннем лесу пахнет Счастьем, Свободой и прелью...
Я пойду к роднику, на тропинке оставив «Ниссан».
Художник-Весна свои Акварели Апреля
Размалюет талантливо по полям, холмам и лесам...

...А помнишь, цвели нашей Юности желтые вербы?
«Словно тыща цыплят» – ты смеялась: «Сидят по ветвям!...»
В синем море подснежников утонет сибирское лето
И ромашковый запах нас накроет волною, медвян...

О, оставьте нелепость ваших споров, упреков и прений,
И шагайте на зов земляничных полян и калин!..
В своих буйных фантазиях Акварели Апреля
Затмят славу Шагала, переплюнут Дали...

Я этими красками в самое сердце расстрелян
И образ твой нежный навевает мне лиственный дым...
Что ж!.. Спасибо большое, мои Акварели Апреля,
Я хотя бы на миг, опять становлюсь молодым!..

...Застрекочут сороки, нас с тобою в чашобе застукав,
Но Апрель эту тайну сумеет – молчок! – сохранить...
А уже через год ты уедешь куда-то к Ростову...
Оборвется (не свяжешь...) наших Судеб незримая нить...

Терпкий воздух здесь чуден!.. Он врачует меня от бессонниц,
Воскрешая Весну, что растаяла где-то вдали...
...Там дарила тепло незакатное, щедрое Солнце
И волшебник – Апрель разнотравья ковер нам стелил...

Заневестилась краля(!) на опушке моя медуница!..
Вот где пчелам раздолье!.. Рай для желто-жужжащих сла-
стен!..
И среди белых берёз вдруг мелькнут дорогие мне лица,
И холодного Прошлого тени обступят мой жаркий костер...

...Я приеду незвано-нежданно в красивый Ростов твой.
Стану долго бродить по проспектам его, площадям...
Но надежда на встречу будет Роком навеки растоптана –
Злые стражники Времени никогда никого не щадят...

Расхохочутся звезды над моею смешною Love Story
И Медведица молвит: «Не грусти... на, водички попей...»
Рыщут ветры, как волки по бескрайним сибирским просторам.
Из апреля в Апрель я замыслил сегодня побег...

Залюбуюсь пейзажем – НАШИМ северным, скромным,
неброским
Перепелка заладит: «Спать пора! Фить-пюри! Фить-пюри!»
Вечерные зори обещают мороз в Краснобродском...
Я гляжу на огонь, угольком «Беломор» прикурив...

И в оранжевом пламени вдруг возникнут цветущие вербы,
Бирюзовый перрона фонарь и экспресс «Ариэль»,
Где: «Прости и Прощай!..» - машет мне Безответная, Первая,
Где разлучник Апрель расплескал по полям Акварель...

Безвозвратность черёмух

Мне бы лодку свою залатать,
Взять в напарники друга Ерёму,
И тайменя ловить в холода,
На Томи, в белом буйстве черёмух!..

... Там сорог серебристых орда
Так клюют!.. На уху наберём мы...
Хорошо у костра, в холода,
Рыбу жарить на углях берёзовых!

Что ещё остаётся желать
После вьюг, холодрыги болезной?..
...Память жалит меня как пчела,
Воскрешая свиданья в аллеях...

... Там – смешлива ты, молода,
Да и я – парень вовсе не промах!..
Что наделали вы, холода, –
Разлучив нас в цветенье черёмух?..

...Заросли лебедой имена,
Навсегда отзвенели свирели...
Хорошо у реки вспоминать
О Весне в белой пене сирени...

...Там я юный, безусый солдат.
Песнь колёс навевает мне дрёму...
...Эх, вернуться бы в те холода,
В те снега, яблонь, вишен, черёмух!..

Но вот бьёт Время злобно под дых...
«Наливай-ка, по полной, Ерёма !..
Выпьем, друг мой, за нас молодых,
За кудрявую юность черёмух!...»

Белые Кони Судьбы

Буран унесет прошлогодние сны,
А с ними - обрывки иллюзий...
Останусь один... вдалеке от Весны,
Вдали от сбежавшей Люси...

Что Люся?... Ей будет кайфово с другим
И я за нее спокоен...
...Но вырвут поводья рывком из руки
Судьбы моей Белые Кони...

И понесутся, подковой звеня,
Быстрее чем по небу «Боинг»...
И я заору: « Возьмите меня!..
Возьмите меня собою!..

Туда, где на ветках сидят снегири,
Где Солнце всегда на восходе,
Где в свете холодной апрельской зари
Мой поезд еще не отходит...

Туда, где была вода молода
И яблоки – молодильны...»
...Я наспех рубаху свою залатал
И крестик надел нательный...

Но кони уже не слышат меня
И скрылись за Лысой горою...
Осталось себя самого обвинять
Под музыку волчьего воя...

Буря принесет Моей Юности Сны,
Идет с чемоданами Люся...
Хруст первых проталин - примета Весны,
А значит, я снова ...В ПЛЮСЕ!!!

Белые письма

Белые письма красавица Осень,
Снег! – адресует не мне...
...Глупо расстались на год... А после –
Я был и глух, и нем.

Впал – словно в детство! – в дела, заморочки,
Не подавал руки...
Вот почему свои светлые строчки
Шлёт совершенно другим...

Вот почему над Судьбой моей странной -
Тучи, туман и смог...
К чёрту вояжи в заморские страны,
Дайте одно письмо!..

...Но не прощает красавица-Осень
Грешного напрочь меня...
Лист золотой грохнется оземь,
Грустно лопочет Иня.

Я на ветру стою одиноко,
Губы, кусая в кровь...
Вот уже ждать осталось немного,
Вот наступил Покров...

Мой почтальон приходит в восемь,
Только вот весточек нет...
Белые письма красавица Осень
Пишет и шлёт, но - не мне...

Белый туман

Дед запыхтит «ножкой козьей»,
Дым мне напомнит гривастых кобыл...
И в белом тумане задумчивой Осени
Буду искать я тех, что любил...

Крикнет: «Назад!...» – полуночная птица,
Горьким предчувствием сдавлена грудь...
В белом тумане легко заблудиться,
Но чем трудней, тем желаннее путь...

Вижу село... Пали белые снега...
Дом у дороги... Сиянье церквей...
Ждёт у окна Та, что дадена Небом,
В мире, которой, нет лучше, добрей...

Где-то, вот-вот, за тем поворотом
Встретит меня сумрак аллеи...
«Эй, открывай-ка глухие ворота,
Путнику чарку с устатку налей!...»

Ветры ответят: «Где чёрт тебя носит!..
Что ты припёрся сюда?.. Умирать?..»
В белом тумане обманщицы - Осени
Юности нашей забрезжит мираж.

Плач леденящий?.. Иль это мне снится?..
Зов? Волчий вой?.. – Оторопь... Жуть...
В белом тумане легко заблудиться.
Что я ищу – никому не скажу...

Тут не помогут молитвы любые
И не спасут от разлук и от бед...
«Белый туман, возврати мне любимых!..» -
Тщетно взываю... Молчанье - в ответ...

Юность вернуть никому не под силу.
Прошрое, брат, - не возьмёшь на «ура»...
Яркую зелень взошедших озимых
Жёлтой листвой замечает буран...

Березы в октябре

Берёзы листва, как янтарные россыпи.
Пойдёшь, чтоб пожары в душе притушить!..
В прощальном «Прости» левитановской осени
Поймёшь, что на свете ещё ты не жил...

Как всё случилось?.. Как стало?.. Не знаю...
Я сам был отчасти во всём виноват...
... Петляет и манит тропинка лесная,
И что-то напомнит небес синева...

... Там поезд, омытый весенними грозами...
Зачем уезжал я?.. Билеты купил?..
В прощальном «Прости» рыже-огненной осени,
Поймёшь, что ещё ты, увы (!) – не любил!..

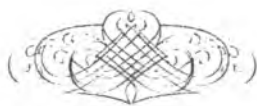
Берёзы в такое, скажи – не поверят!..
Поверят лишь в это бессонниц огни,
Да друг мой единственный – Лёха Каверин,
Расскажет тебе, если ты позвонишь...

...Ты только меня не мучай вопросами,
И боль мою давнюю - не бери!..

...В прощальном «Прости» увядающей осени,
Услышишь заветное: «Всё впереди!..»

Здравствуй, Покров!.. Травы семя здесь сбросили;
Полям бескрайним бреду я один...

... В белых туманах задумчивой осени
Мне никого никогда не найти...

В золотую метель сентября...

...В золотую метель сентября
Наши души листвой запорошит.
Позабуду лихое прошлое,
Провожая гусей и крякв.
В золотую метель сентября...

Будет ветер неистово рьян
Гнать на землю с небес пурги крошево!..
...В синем платье в зелёный горошек,
Ты прекрасней, чем в мае заря!
В золотую метель сентября...

Да и я - буду весел и пьян!
Называть тебя «милой», «хорошею»,
Но разлука тяжёлую ношею -
Мне на сердце, и клён мой багрян
В золотую метель сентября...

...И под этими звёздными ливнями
Я пойму, что родился не зря...

...Дай-то Бог нам побыть счастливыми
В золотую метель сентября!..

* * *

Жаркое лето.
Яркое солнце.
Входят рассветы
В твоё оконце.
Входят рассветы.
Ясные зори.
Песней неспетой
В синем просторе.
Песней, чуть слышной...
Русской, пьянящей...
В дальние дали
За счастьем манящей...
Кажется: нет здесь –
Ни грусти, ни горя...
Свежесть рассветов!..
Ясные зори!..

Дорога на Тогучин

На родине Пархаева - снега...
Алеют снегири... Лай слышен пёсий...
И ветер - озорник и хулиган(!)
Швыряет нам вдогон обрывки песен.

На родине Пархаева - снега...

Любимая в «Билайне» заворчит:
«Почто не взял меня ты в Тогучин?..»

На родине Пархаева - мороз...
«Сейчас бы, кстати, - чашку капучино!...»
...Крик поездов, летящих к Тогучину,
Слагает гимн романтике дорог.

На родине Пархаева - мороз...

Клаксоны проезжающих машин
Простужены, охрипли и осипли...
И синий иней ветви распушил
Вдоль трассы, уходящей к Новосибиру...

...Летят составы с угольком в ночи -
Зеленый свет включает Тогучин!..

Дороги даль в полон берет меня,
Мой путь унылый сигаретой сдобрен...
Смотри-ка: говорливая Иня
Спешит на встречу с горделивой Обью!..

Мелькают за оттаявшим окном
Поля, березы, клёны и овраги...
И вьюга завела веретено,
Смешав Конёво с тихим Коураком.

И кажется - здесь жизни вовсе нет...
Летит зима, как будто Всадник Блед!

На родине Пархаева - пурга...
(Ох, как устал я от её истерик!..)
Глянь: верба держит в тоненьких руках
Хохлатых, развесёлых свиристелей!..

На родине Пархаева - пурга...

Водой хрустальной манят нас ключи.
Накрыла буря город Тогучин...

В Сибири в марте зябко...неуютно...
Буран неделю будет бушевать!..
...Огни села с названием кратким "Юрты",
Расскажут мне, что Русь моя - жива!..

Ловец снежинок

...Там, где синее небо сходилось с холмами,
Где кричат поезда, разбудив Трудармейку,
Я подснежников нежных собирал милой маме...
Солнце мая плясало на моей телогрейке.

Там, где синее небо сходилось с холмами
Тонкий стан обнимал я у белой березки.
Моя мама любила «кукушкины слезки»,
Я в букет добавлял их – лазурно-алмазных!..

Там, где синее небо сходилось с холмами,
Где Уската волна бирюзово играла,
Пескарей я на зорьке тягал с пацанами.
Лился запах черемух – без конца и без края!

Там, где синее небо сходилось с холмами,
Плыл над лесом закат – к холодам, видно, алый!
Мы с соседочкой Соней «дружили домами»,
Нам мечтаний и счастья было - вдоволь!.. навалом!..

Там, где синее небо сходилось с холмами,
Сивкой-Буркой промчалось Детство... Юность с Любовью...
...Нынче ветрено... Ураган рвет в неистовстве кровлю...
Эх, найти бы подснежников – да в подарочек маме!..

Только вряд ли отыщешь ту дорогу к погосту –
Всё метель замела!.. В сердце – горькое горе...
Увязая в снегах, непрошеным гостем,
Я тропиночку бью - в май(!) на Лысую Гору...

Да!.. Туда, где лазурь обнималось с холмами,
Я бреду наугад... Ни подруги... ни друга...
· Со мной шашни заводит вальс кружащая вьюга,
И прилечь здесь, на снег, в цвет подснежников(!) – манит...

Там, где синее небо сходилось с холмами,
Избродись!.. но не встретить ушедшую юность,
И снежинки летят, Сентябри да Июни!
Я ловлю их, озябших, одиноких – губами...

Мне любить уже поздно

...Мне любить – уже поздно.
Умирать – ещё рано...
Эх!.. Вскочить бы на поезд,
Дёрнув ручку стоп-крана!..
И – в вагон бирюзовый,
На верхнее место...
И – вперёд!.. Там, в низовьях
Дожди и Норд Весты.
Закружатся в танце
Деревя у окраин...
– Прими меня, Станция
«Юность – Вторая»!..
Прими – поседевшим...
Прими – безотрадным...
Мне некуда деться
От горя и града...
Ведь там – Моё сердце
В извилинах улиц.
Друзья мои детства
Навеки уснули...
И сам я брожу
У последнего края...

Прими же, прошу,
«Юность – Вторая»!..
Осеннюю ранью,
Почти что за гранью
Я в сердце изранен
Потерянным раем.
...Я буду другим –
Не тем, кем в Начале...
Бессонниц круги –
Прочь в ночь, как печали...
Там буду я нежен
С тобой... не расстаться б!..
Но где же, ты, где же
Желанная станция?..

...Ответят колёса,
Мотивом играя:
«На свете нет станции
«Юность – Вторая»...

Мои берега

Черёмухи снег припорошит виски –
Я тут же сорвусь в побег!
Вперёд и вперёд, прочь от горя-тоски
К холодному говору рек...

Туда, где была заря молода,
А с нею и я, и Ты...
Где всё нипочём – беда, холода,
Болезни... житейская стынь...

Я в память о юности брошу венки -
И он поплывёт, не тонет...
Я снова войду в тот же самый поток,
Назло старику Платону!..

...Качнутся, как бакен, мои берега,
Что в сердце, и Ты тайком сберегла,
Но тяжёк туман, и в лодке – пробой...
Харон манит пальцем в Аид за собой...

– Верни мне, река, те счастливые дни,
Где были на свете с любимой одни,
Где звёзд полуночных и волн карнавал
Кружил нас, кружил, грустить не давал...

Моя деревушка

Вьюги закружат белые прялки,
Ветер взъерошит причёску деревьев...
Эх!.. Хорошо бы в гости на Святки
К деду и бабке – в родную деревню!..

... В кассе билеты на верхнюю полку...
Только вот нет... ни родных, ни деревни...
Да и сам я – кажусь уже древним
Средь молодёжи Рождественской елки...

Вьюги!.. Кружите белые прялки!
Ветер!.. Рви шарф мой на мелкие части!
...С дедом ходили на пруд, на рыбалку...
Бабки глаза – светились от счастья!..

Ты уж прости: вспомнил я поздно...
Нету тебя... да и деда уж нет...
...А над могилой ветер морозный
Хочет свалить твой берёзовый крест!

Горькое горе в горле горчит,
Ворон на чьей-то могиле кричит.
Белая замять плачет, скорбя,
И укрывает метелью тебя...

... Я на могилку положу гостинцы,
Здесь, в декабре смеркается рано...
... Мы улетали, забывши проститься,
Дети провинции, сельских окраин...

«Дайте билет на верхнюю полку!..»
Слёзы мне вытрут встречные ветры.
Возле погоста кружатся волки...

«Где ж ты, деревня?..» Нет мне ответа...

Пусть вновь забуянят бураны и ливни
Над непокрытой моей головой!..
...Но только ответит река мне: «Не ной...
Давно по тебе здесь оплакали ивы...»

Черёмухи снег запорошит виски,
Охладит моё сердце и разум остудит...
...Мои берега, друг мой, также близки,
И также, увы(!) для меня недоступны...

Моя утопия

Стоишь у станка, на панели,
Иль маешься ночью бессонной –
Мечтай!.. Как мечтал Кампонелла,
О городе Счастья и Солнца!..

Пусть мир твой убог и ненастен –
Стань Богом... твори свои зонги...
И тут пред тобою – настезь(!)
Ворота в Твой Город Солнца...

...Там – будешь желанен, любим,
Там станешь безоблачно счастлив!
Пурпурные гроздья рябин
Согреют тебя в одночасье.

Там – будешь богатым, как Крёз!
Там жизнь станет терпкой, как рислинг...
И сонмом красивейших роз
Твой путь будет к славе выслан!

...А чувства, что в сердце убил –
Воскреснут!.. Зачем ты был гордым?..
И Та, что когда-то любил
Вернётся к тебе через годы!..

От горя – по ветру зола,
Удача откроет дверцы.
И скрытый доселе талант
Росточком пробьётся из сердца!

Я этим талантом замазан.
(Если цыганка не врёт...)

«Спасибо, Маэстро Томмазо,
За духа великий полёт!»

Отгорели мои рассветы

Отгорели мои рассветы,
Отпылали мои закаты,
И колючие снежные ветры
Унесли мою юность куда-то...

Только мне ли об этом плакать?.. –
Я и сам был безумный транжира!..
Седина – это горькая плата
Тем, кто раньше бесился от жира.

Мы – «Титаника» пассажиры
Средь опасных и проклятых трасс...
Я улыбочкою как ширмою
Отгораживаюсь от вас...

И вот здесь, на последнем изломе,
Распечатав шестой десяток,
Выпив браги, съев чёрный ломоть –
Я «Цыганку» пойду вприсядку!

Что пророчите мне утраты?
Я не верю, что песня спета...
Впереди – у меня закаты!..
Впереди – у меня рассветы!..

**Памяти Бельмасова
Алексея Михайловича**

Майской вьюгой берега замело,
Вещий ворон сел, расправил крыло
И хрипит – картавый чёрт! – номера
Телефонов, что умолкли давно...

Переклинит у Земли полюса,
Вспять текут – Амур, Иртыш, Енисей...
...Оживают в эту ночь голоса,
Глянь - костёр!.. А у костра - Алексей!..

Будто не было крестов да могил,
И поминок, утонувших в вине...
Горько плакать ты о нём не моги!..
В медный колокол, - не надо звенеть!..

...Оборвется моих снов тетива,
Баритонит у окна шепоток:
«Приезжай!.. Возьми своих – ФЕСТИВАЛЬ!
Прихвати с собою книжек пяток!..»

...Я хотел намедни Лёше звонить:
«Первомай, мол, то, да сё... как дела?..»
... Но в мирах, где с жизнью порвана нить,
Не фурычат «Мегафон» и «Билайн»...

Я ловлю дыханье сонных мембран,
Я пою хвалу эфира Царю...
...Не сыскать вовек среди Стиксов и Пран
Плач гитар и Лешин возглас: «Салют!..»

Я взываю – в такт грохочет мне гром!..-
К высшим силам Властелина Добра:
«Пусть вернет мне перевозчик-Харон,
Всех друзей, что подло ночью забрал!..»

Ухмыльнется в лодке утлой старик...
(Пот холодный в три ручья по спине!)
... Скрип ключин... Чаек горестный крик...
Тень Харонова тает во мгле...

...Заалело - глянь! - зари полотно,
Прохрипел в деревне первый петух...
Чтобы легче стало, водки глотну,
Левым берегом Томи побреду...

Песни буранов

Осень швырнёт бисер рябины
Под ноги декабрю...
Песни буранов мною любимы –
С ними я снова юн...

Песни буранов напомнят о доме,
Том, что давно уже нет,
Как и друзей, как девушки Томы –
Синих очей моих свет...

Песни буранов – не надо о грустном!
Жизнь не вернешь назад...
Станет в душе одиноко и пусто,
Снег запорошит глаза.

Я побреду сквозь реки метелей
К дальним своим берегам,
Но не спасёт, не поймёт, не утешит
Белая эта река...

Вьюги в заложники память захватят –
Буду я веру крепить...
... Осень-заступница выкуп заплатит
Бисером алых рябин...

Планета разлук

...Чуждый всем - и Добру, и Злу,
Я бреду в этот зимний вечер.
...На холодной Планете Разлук
Мы живём в ожидании встречи...

В круговерти утрат и мук
Сон тревожен, непрочен и чуток...
На холодной Планете Разлук
Никогда не случается чудо...

...Мне не пишет единственный друг.
(Или письма скрывают умело?..)
На холодной Планете Разлук
Места нет SMS-кам, E-mail-у...

Не заламывай нервных рук,
Хоть ты горем до пепла выжжен!..
На холодной Планете Разлук
Мне приказано свыше – выжить!..

Может, к Пасхе приедешь ты вдруг?..
Изо льда я сложу слово «ВЕЧНОСТЬ»..
На холодной Планете Разлук
Иногда, всё ж, случаются встречи...

Облака над лесом

Заблудиться в июльском лесу,
Захмелев от пророчеств кукушки...
На опушке устроить пирушку,
Пригубив с земляники росу.

Проводить в дальний путь облака,
Утолив тишиною печали...
Позабывать... надо мной не кричали
Птицы чёрные и срока.

И, целуя хрусталь родника,
Вновь уверовать в старые сказки...
Одолжив у лесничего краски –
Притушить седину у виска.

И себя ощутить молодым,
Как в то давнее, светлое лето,
Где мы вместе... бессильны наветы...
И не познан бессонницы дым...

Горьки, Память, твои плоды...

Снегири

...На холодной крови отгоревших закатов
Мне прирезятся детства моего снегири.
Как пылали они средь метелей косматых
На заре!.. Я им кашу на ужин варил...

Стыли руки, буран заносил мои санки.
Я истошно ревел – хоть святых выноси!..
Снегирям приглянулась из банки овсянка,
Та, которую им в кулачке приносил...

Сэкономив на скудном своём рационе,
- Угощайтесь!.. – сквозь белые снега кричал...
...Брат мой бредил морями... Говорил: «На Цейлоне -
Лето там навсегда... много яблок и чай!..»

Яблок я не едал - на картинке лишь видел,
И не яблоки были друзья – снегири!..
...Как-то раз, прогуляв допоздна, с другом Витей,
Я простыл, заболел и глотал аспирин...

А в больничке на завтрак – всё та же овсянка!
И сестрички дразнили меня: «Птицелов!..»
...Снегири прилетали... я кормил их, озябших,
Недоступных и сказочных, словно, Цейлон!

...И - сквозь Время текли мои белые реки.
Дед ругался: «Васяка! Ты куда дел кисет?..»
Я скормил снегирям две пригоршни орехов
И копченого сала чуть-чуть... На десерт!..

...Мать с отцом разошлись... Я – далёко уехал...
Там, где после я жил – нет диковинных птиц!
Никогда не услышать мне звонкого смеха,
Никогда не увидеть приветливых лиц.

И – седой уж(!), гуляя в пурпурных закатах,
Я Судьбине кричу: «Ты, прошу, забери
В то село, где среди белых сугробов покатых
Ждут меня сквозь года на заре снегيري!..»

Тепло родного очага

... Растает за спиной Баган*,
В снегах «Ниссан» буксуя, тонет...
К теплу родного очага
Тяну озябшие ладони.

Бушуя, злобствует пурга –
Колюча, бешена, игрива...
Тепло родного очага –
Мечта бродяги – пилигрима.

Зовет подруга в Мичиган –
Но я не сяду в аэробус...
Тепло родного очага –
Вот моя цель, маяк и компас!..

... Там май сиренью загулял,
Там холода на цвет черемух;
На зорьке там - клюет гальян,
Там развернет гармонь Ерема!..
Волной играет Томь-река,
Объяли лодку вешни воды...
Там - поцелуй у родника,
В моей руке - твоя рука,
Гитары плач у костерка;

Нам соловьи слагают оды...
... Там на Купалу - сенокос,
Чечетку месяц бьет на крыше,
Флотилии взбалмошных стрекоз,
Красным красно от спелой вишни...
Там снег ромашковый белел...
Ночь нашу лодку раскачала...
Мой друг!.. О, сколько зим и лет
С тех давних пор с водой умчалось!..

... Я чувством Родины богат
И чужд мне глянец Англий, Греций...
Теплом родного очага
О, дай мне Боже, отогреться!..

Так встарь спешили сквозь снега
Язон, Улисс, Колумб, Никитин,
К теплу родного очага -
В благословенную обитель!..

Давай, «Ниссан»!.. Свой шаг чекань!..
До Новосиба - сутки... Близко...
... Тепло родного очага -
Моя надежнейшая пристань!..

* Баган - городок в Новосибирской области. (прим. автора)

Ты будешь любим

Твой Китеж ушёл – на глазах(!) – в глубины,
Колючей пургою пропитанный вечер...
Ты будешь любим, ты будешь любимым,
Не на ночь – надолго, навечно...

Пусть скорую зиму журавль протрубил,
И – Эх!.. С - под венца убежала невеста...
Ты будешь любим, ты будешь любимым,
Назло этим бурям с Норд-Веста!

Кидаешься в крайности?.. Дров наруби!
Ты сам себе только один и поможешь.
Ты будешь любим, ты будешь любимым,
А Иначе - быть и не может!..

Живи и борись!.. И себя не губи!..
Не жди свое счастье с каемкой на блюде...
Но, друг мой, что б кто-то тебя полюбил,
Сначала верни себя людям!..

И розы – Единственной, Той! - прикупи...
Начни всё сначала – хоть это и трудно!..
Ты будешь любим, ты будешь любимым –
Ненастным сегодняшним утром.

Чужая судьба

...Я дышал лишь одной Тобой,
Ты во всём мне была примером...
Со своей расстался судьбой,
Впопыхах чужую примерив.

«Да!.. Удел твой с чужого плеча...» –
Мне прошепчут в апреле вербы...
Среди ночи рвану в Богучан
К Той, родной, безответной, первой...

И сквозь волчий, протяжный вой,
Я – холоп, возведённый в дворянство,
Даром Божьим – стану собой,
И не надо юлить, притворяться,

А любить край родной и страну,
Несмотря на пургу и стужу!..
...Будет Бог побеждать сатану
В битве за бессмертную душу!

Пусть несёт меня автобан
К Той далёкой! Родной! Безответной!
И слетает чужая судьба
От напора встречного ветра!..

...Мой отец – мировой мужик(!)
Говорил мне, сметая крошки:
«Сын! Не надо судеб чужих,
Дай-то Бог нам своюю - прОжить!»..

